

Российская газета - 1992 - 29 авг. - С.5

История автографа Александра Солженицына,

проиллюстрированная Виктором Кокшаровым — диссидентом областного значения

О ТОМ, что в Тамбов приехал Александр Солженицын, говорили шепотом. Казалось, что осведомленные об этом накануне хватанули ледяного пива. А на дворе стоял жаркий май 1972 года, область поразила жестокая засуха, о такой обычно говорят: старожилы не помнят.

В общественной же жизни после недолгой «оттепели» утвердились «заморозки», бойцы идеологического фронта вели героическую борьбу с диссидентами — единомыслие окончательно стало государственной политикой. В полном соответствии с изречением Козьмы Прутков: «Да разве может быть собственное мнение у людей, не удостоенных доверием начальства?!». Автора знаменитой повести «Один день Ивана Денисовича» начальство доверием не жаловало, поэтому он числился идеологическим врагом номер один.

В Тамбове А. Солженицына интересовало все, что касалось крестьянского восстания, охватившего губернию в 1919—1921 годах. Возглавлял его эсер Александр Антонов, поэтому в советскую историю это движение вошло под названием антоновщина.

Александр Исаевич скептически относился к официальному взгляду на эти трагические события. В Тамбове он намеревался найти документы этого времени, встретиться, если удастся, с очевидцами. Но в областном архиве ему вежливо отказали, не оправдались надежды писателя и на другие источники информации.

Встречали А. Солженицына, разумеется, без фанфар, местная печать ни словом, ни намеком не обмолвилась о его приезде. Но компетентные органы, надо полагать, зафиксировали каждый шаг писателя, в том числе и его визит в дом на улице Андреевской, где А. Солженицын, не застав хозяйина, оставил записку Вот ее текст:

«Виктор Александрович! Оказавшись в Тамбове, я хотел на Вас глянуть. Я в гостинице «Тамбов» № 307. Если хотите — загляните завтра ко мне около 8—8.15. Днем же я предполагаю быть в Пушкинской читальне. Вы меня узнаете, наверно.

Всего доброго!

24.5.72 А. Солженицын.

Записка была адресована тамбовскому фотохудожнику В. Кокшарову с которым А. Солженицын заочно познакомился через Мстислава

Ростроповича. Великий музыкант к тому времени тоже оказался в опале, главным образом из-за того, что приоткрыл на своей даче больного писателя, создал ему условия для работы. И тотчас превратился в «фигуру умолчания»: в газетах, на радио и телевидении перестали даже упоминать его имя, ограничили и в гастрольных поездках.

Но в Тамбове М. Ростропович бывал довольно часто. 5 февраля 1971 года он выступал с концертом в зале областной филармонии, где

тамбовчане устроили ему овацию. В тот вечер В. Кокшаров и передал М. Ростроповичу несколько своих работ для А. Солженицына. И вот год спустя писатель захотел встретиться с их автором. Нет нужды говорить, что в назначенное время В. Кокшаров был в гостинице. Впрочем, предоставим ему слово:

— Александр Исаевич сидел за пустым чистым столом. Легко встал, крепко пожал руку. Он был среднего роста, крепкого телосложе-

ния, рыжебородый. Высокий лоб вертикально пересекал глубокий шрам. Заметно было, что внутренне он — как заведенная пружина, весь в постоянной готовности. Позировать для фотопортрета согласился без колебаний, только спросил: «А не боитесь неприятностей? Ведь у вас их было достаточно». Стали разговаривать. Выяснилось, что Солженицын не впервые в Тамбове, поэтому легко нашел мой дом на улице Андреевской. У него в армейской планшете оказалась очень подробная революционная карта города со старыми названиями улиц и даже номерами домов.

...Прощались мы вечером на площади у здания областного театра драмы, провожать себя до вокзала Александр Исаевич не разрешил. Пошел он напрямик через площадь с полупустым вешевым мешком на плече...

Долгие годы В. Кокшаров хранил у себя записку А. Солженицына и журнальную публикацию из «Нового мира» с автографом писателя, хотя в те времена это было небезопасно.

...Неприятности начались в 1971 году, когда В. Кокшаров отправил на международную фотовыставку в Румынию несколько своих работ. Предыдущие выставки в странах Европы принесли ему успех — две серебряные и две бронзовые медали. Открывались какие-то перспективы...

Но московское компетентное «жюри» лишило его не только перспектив, но и надежд в дальнейшем заниматься творческой работой. Откуда ему было знать, что, прежде чем попасть за рубеж, выставочные работы пристально просматривались в Москве на предмет идеологической чистоты. В двух фотоплакатах — «Митинг» и «Натюрморт 3.71» — искусствоведы в штатском усмотрели «подрыв устоев». И фо-

тографии с соответствующей сопроводителькой вернулись в Тамбов в соответствующие инстанции. Для принятия мер.

Прокуратура не обнаружила в фотографиях антисоветчины, за которую чиновники намеревались привлечь автора к уголовной ответственности. Тогда стали искать порнографию. Не может быть, чтобы у такого классного фотографа не было снимков голых баб! А будет баба — будет и статья.

С санкции прокурора в квартире В. Кокшарова устроили обыск. И надо же — нашли снимки обнаженной натуры! Автор потребовал искусствоведческой экспертизы. Специалисты отказались признать фотографии порнографическими, и дело было прекращено за отсутствием состава преступления.

Неужели придется признать, что автор «таких» снимков не виновен! И тогда за дело взялось правление областной организации Союза журналистов СССР, в котором В. Кокшаров, к несчастью, состоял.

Заседание длилось долго. И наконец общими усилиями обнаружили антисоветские мотивы в фотографиях: искажение образа Ленина («Митинг») и неправильный показ быта деревни («Натюрморт 3.71»). В. Кокшарова исключили из Союза журналистов, еще раньше его вынудили написать заявление об увольнении по собственному желанию в Доме культуры, где он вел фотокружок. Попросили его и из многотиражки «Вагонник», областные газеты перестали печатать его фотоснимки. И все за попытку «очернить» советскую действительность посредством черно-белой фотографии.

Полгода он перебивался случайными заработками, потом пошел работать слесарем на производственное

объединение «Пигмент»...

В 1989 году обратился в местную организацию Союза журналистов с требованием восстановить его в творческом союзе. Отказали. «Не нашли оснований»...

— Сколько себя помню, — рассказывает В. Кокшаров, — виноватым всегда оказывался тот, кто обращал внимание на печальные стороны нашей жизни. Стоило, например, навести фотоаппарат на длинную очередь и постоять так с минуту, как обязательно находился «верноподданный», который либо потребует документ «на право фотографирования», либо попытается отвести «куда следует». В случае с «Натюрмортом 3.71» меня отвели «куда следует».

С печальными мыслями приступал я и к созданию фотоплаката «Митинг». Он предельно лаконичен: контур монумента Ленина, которого «верные ленинцы» деформировали до неузнаваемости, небесная круговерть, в которой носятся стаи алчных птиц разных мастей — равнодушных, глухих к призывам вождя. Лозунг брошен на ветер, ракурс смещен... При обсуждении этой работы на правлении Союза журналистов действовал принцип: чем круче обвинишь автора, тем более «верным ленинцем» будешь выглядеть сам... Так же как с портретами и памятниками Ленину: чем их больше становилось, тем крепче была иллюзия, что у нас все по-ленински...

В последние годы В. Кокшаров почти забросил фотографию, занялся резьбой по дереву. В местном правлении Союза журналистов могут быть довольны — не «чернит» В. Кокшаров больше нашу действительность. Да и А. Солженицын того и гляди попадет в консерваторы, пророчества великого русского писателя стали расхожими штампами для нынешних идеологов. Обвинения в его адрес образца 70-х годов, как и обвинения в адрес В. Кокшарова вызывают сегодня лишь горькую усмешку. Извлечем ли уроки из недавнего прошлого или начнем теперь карать врагов «светлого капиталистического завтра»?

Евгений ПИСАРЕВ,
соб. корр.

На 1-й странице фото Виктора Кокшарова — «Портрет А. Солженицына». Тамбов, май 1972 г.

Виктору Кокшарову

Саша

27.5.72

А. СОЛЖЕНИЦЫН

ЗАХАР-КАЛИТА

Рассказ

Виктор Александрович!

Когда-то вы передали мне через Ростроповича Ваш снимок (Африка). Оказавшись сейчас в Тамбове, я хаживал на Вас минут 10. Я — в гостинице „Тамбов“, № 307; только там, где вы сидели, я не зашел. Кто я — и вы не узнаете. Я пишу Вам, а если хотите — загляните завтра ко мне около 8—8.15. Днем же я предполагаю быть в Пушкинской читальне. Вы меня узнаете, наверно. Всего доброго!

Саша

24.5.72